

[Мятеж, Революция,
Религиозность*}

** Реформа приносит новые идеи,
революция приносит новую структуру,
которая поддерживает эти новые идеи,
а мятеж дает новое сознание, нового человека,
новую сущность, поддерживающую эти структуры.*

Ошо

[Rebellion,
Revolution and
Religiousness*}

ОСНО

**Свобода ОТ «всегда» связана с прошлым,
свобода ДЛЯ «всегда» связана с будущим.*

Ошо

[Мятеж,
Революция,
Религиозность*]

УДК 130.123.4
ББК 88.2
О-96

Перевод с английского И. Митрофановой

Ошо

О-96 Мятеж, Революция, Религиозность / Перев. с англ. — М.: ООО Издательство «София», 2012. — 224 с.

ISBN 978-5-399-00349-8

Быть мятежником — дело не легкое. Любое общество, любая религия стремятся подавить потенциал бунтаря в человеке. Очевидно, потому, что поощрять мятежность — значит учить людей выступать против традиций, против обычаев, против общепринятых норм и правил. А это непозволительно.

Отвечая на вопросы учеников, Ошо раскрывает перед ними подлинную природу мятежного духа, обладание которым требует от человека огромной смелости, готовности изменить свою жизнь, свое сознание...

УДК 130.123.4
ББК 88.2

Copyright © 1989, 2010 OSHO International Foundation, Switzerland.
www.osho.com/copyrights
All rights reserved.

Originally English title: Rebellion, Revolution and Religiousness, by Osho
OSHO — зарегистрированная торговая марка Ошо Интернэшнл
Фундэйшн.

Подробную информацию можно получить на сайте:
www.osho.com/trademark

Все материалы этой книги собраны из различных выступлений Ошо перед живой аудиторией.

Выступления Ошо доступны в виде книг и оригинальных аудио записей. Записи и текстовые архивы находятся в свободном доступе он-лайн библиотеки по адресу: www.osho.com

ISBN 978-5-399-00349-8

© «София», 2012
© ООО Издательство «София», 2012

Содержание

Предисловие	6
1. Искусство свободы	9
2. Реформа, революция и мятеж — «три кита» человеческой эволюции.	16
3. Священники и политики — паразиты власти	28
4. Христианство и коммунизм — партнеры, эксплуатирующие бедных	41
5. Диктатура — это власть в их руках	55
6. Свобода — это не вседозволенность	61
7. Эволюция сознания ведет к исчезновению общества	65
8. Терроризм — ваш внутренний вулкан насилия	86
9. Главная ошибка революций	94
10. Медитация реализует утопию на земле	102
11. Пребывай в покое — или оставайся разделенным	123
12. Тайна «Да»	136
13. Гностицизм — корни религиозного мятежа	153
14. Единственная надежда — наша воля к жизни	170
15. Анархизм и сознание	183
16. Компромисс — это ваша гордость на виселице	186
17. Религиозность и мятежность — два названия одного явления	195
18. Медитация — единственное неэгоистичное деяние	202
19. Одно семя может всю планету сделать зеленой.	211
20. Я принадлежу вечности — вы тоже.	216
Об авторе.	221
Международный центр медитаций Ошо	222

ПРЕДИСЛОВИЕ

Быть мятежником — это самое главное. Все религии уничтожают потенциал бунтаря в человеке. Очевидно, потому, что учить мятежу — значит учить людей выступать против традиций, против обычаев, против общества, против религии. А это не в интересах власть предержащих. Мятежный дух должен быть полностью подавлен. Но с того самого момента, когда в человеке умирает мятежный дух, начинается *посмертное существование*, ибо твой истинный дух — это мятежный дух.

Все религии учат тебя обратному. Они учат тебя *верить*.

Я учу *сомневаться*.

Они учат полагаться на авторитеты.

Я учу *исследовать*.

Они дают тебе все в готовом виде.

Я же говорю: если ты не дойдешь до всего сам, толку не будет. Бог, которого тебе вручил кто-то, не стоит ни гроша.

Священное писание, пришедшее к тебе через века... Просто повторять его, как попугай, — самоубийство. Этим ты отравляешь себя, ведь чем больше знаний ты усваиваешь, тем меньше у тебя остается возможности искать, исследовать и находить.

Стоит принять дурацкую идею, будто ты что-то знаешь, — и вопрос об исследовании отпадает. Вопрос об исследовании встает лишь в том случае, когда ты чувствуешь, что ничего не знаешь.

Но ни одна религия не признается, что ты ничего не знаешь. Они неустанно навязывают тебе знания, катехи-

зисы, доктрины, догмы. Они пичкают твой ум самыми разными пустыми словами. А слово всегда пусто, если в нем не заключен твой опыт.

Мое слово не может быть для тебя настоящей пищей. Оно пусто — только сосуд. А как насчет содержимого? — нет способа передать содержимое. Я могу передать тебе сосуд — слово, — но как я могу передать тебе мой опыт, который всегда остается при мне? Мое слово устремляется к тебе, и вот я вижу его в твоей руке — пустое и мертвое. А то, что я хотел выразить, передать, сообщить, осталось у меня — это никогда не покидало моего существа.

Так что истина невыразима. Только идиоты непрерывно болтают об истине.

Эти идиоты верят, что в их словах — истина. Они только трещат — «бла-бла-бла» — и ничего больше. Они — всего лишь болтуны, но искренне верят, что передают тебе что-то ценное, поскольку у них самих нет ничего, кроме слов. Вот им и кажется, будто они что-то передают. Но знающему никогда не кажется, будто передать истину возможно. Да, он может вдохновить тебя на исследование, но не может передать саму истину.

Итак, самое главное — мятежный дух, который подразумевает сомнение, скептицизм, исследование. Он требует огромной смелости, поскольку ты будешь против всех — против всех, у кого есть власть. Политики, священники, сверхбогачи, педагоги, университеты — все они наделены *властью*.

Твоя исследовательская деятельность означает объявление войны им всем, ибо они говорят: «Иисус Христос уже нашел истину. Так что тебе не нужно утруждать себя. Просто верь в Иисуса Христа».

Это так же глупо, как сказать: «Альберт Эйнштейн открыл теорию относительности. Тебе не нужно беспокоиться о теории относительности — просто верь в Альберта Эйнштейна и все будет хорошо». Не думаешь ли ты, что вера в Альберта Эйнштейна поможет тебе понять теорию относительности? И какое отношение имеет твоя

вера в Эйнштейна к его теории? Они не имеют друг к другу никакого отношения.

То же самое касается Иисуса, Кришны, Заратустры, Будды, Мухаммада. Ты не сможешь познать то же самое, что знал Иисус, просто веря в Него. Во-первых, откуда тебе вообще знать, что Он знал? А во-вторых, как преодолеть скептицизм, заложенный в тебя с самого рождения?

Верить тебя учат.

Сомнение — твоя естественная способность.

Существование дает тебе склонность к сомнению, а общество разрушает эту склонность и покрывает ее слоем верований. Верования выгодны обществу, а не тебе.

Должно быть, я не совсем в своем уме, потому что мои слова направлены против моей же профессии, — но ничего не могу с этим поделать. Я мог бы стать всемирно известным учителем с миллионами последователей, если бы не был достаточно безумным, чтобы говорить правду. А правда в том, что общество против тебя — против твоей индивидуальности, твоей природы, твоего потенциала.

Ошо

ИСКУССТВО СВОБОДЫ

Когда я размышляю о свободе, то либо пытаюсь убежать от того, что мне не нравится, либо стремлюсь к тому, чего у меня нет. Расскажи, пожалуйста, о свободе в широком понимании.

Свобода от — обыденна, повседневна. Человек всегда пытался от чего-то освободиться. Это не созидание; это негативный аспект свободы. *Свобода для* — созидательна. У тебя есть мечта, которую ты хочешь материализовать, и для этого тебе нужна свобода.

Свобода от всегда связана с прошлым, *свобода для* всегда связана с будущим.

Свобода для — это духовное измерение, ибо ты движешься в неведомое и, возможно, когда-то войдешь в *непознаваемое*. Она дает тебе крылья. *Свобода от* в лучшем случае снимет с тебя оковы. Но это не всегда идет на пользу — и вся история мира ярко об этом свидетельствует. Люди никогда не задумываются о втором виде свободы, о *свободе для*. Они всегда думают лишь о первом виде, о *свободе от*, так как им не хватает пронизательности и дальновидности. *Свобода от* видима: кандалы на ногах, оковы на руках. Люди хотят сбросить с себя оковы — но что потом? Что ты намерен делать, когда твои руки освободятся? Ведь ты можешь даже пожалеть, что так рвался к долгожданной *свободе от*.

Это было в Бастилии во время Французской революции. Бастилия — самая знаменитая тюрьма во Франции,

предназначенная только для тех, кого приговорили доживать свои дни в темнице. Человек входил в Бастилию живым и больше уже никогда не выходил — оттуда выносили лишь трупы. Надев на узника кандалы, тюремщики выбрасывали ключи — они больше не были нужны. Какой смысл в ключах от замков, которые никто не собирается открывать? В Бастилии томилось более пяти тысяч заключенных — какой смысл хранить пять тысяч бесполезных ключей... следить за ними? Если уж человек вошел в темницу, то это навсегда.

Естественно, французские революционеры считали своей первой задачей освобождение узников Бастилии. Бесчеловечно сажать человека — что бы он ни совершил — в темную тюремную камеру, чтобы он просто дожидался своей смерти, которая может прийти через пятьдесят лет, через шестьдесят лет. Шестьдесят лет ожидания — колоссальная пытка для души. Это не наказание, это отмщение, месть за то, что те люди не повиновались закону. Наказание было несоразмерно их проступкам.

Итак, революционеры распахнули двери и вывели людей из темных камер. И с удивлением обнаружили, что пленники не готовы выйти наружу. Вы можете понять их. Человек, проживший шестьдесят лет во тьме... солнце для него слишком яркое. Он не хочет выходить на свет, его глаза стали слишком чувствительными. Да и какой смысл? Сейчас ему восемьдесят, а сел он в двадцать. Вся жизнь прошла в этой тьме. Тьма стала ему домом. Революционеры хотели дать узникам свободу. Они разбили цепи, разбили наручники — ключей ведь не было. Но заключенные противились. Они не хотели выходить из тюрьмы.

Они говорили: «Вам не понять нашего положения. Человек, проживший в таких условиях шестьдесят лет... Что он будет делать снаружи? Кто будет кормить его? Человек получал пищу и мог безмятежно лежать в своей спокойной темной камере. Он знал, что почти уже мертв. Выйдя наружу, он не отыщет свою жену и не узнает, что

с ней случилось. Его родители давно мертвы, друзья тоже умерли или совершенно о нем забыли.

И никто не даст ему работу. Кто даст работу человеку, который шестьдесят лет ничего не делал? И проблема не только в этом: человек пришел из Бастилии, из места, где держали самых опасных преступников. Уже сам звук этого слова — «Бастилия!» — заставит любого работодателя отказать человеку в работе. «Зачем вы нас выгоняете? Где мы будем спать? Мы бездомные. Мы почти забыли, где жили раньше, и в любом случае там уже поселился кто-то другой. Наши дома, наши семьи, наши друзья, весь наш мир... За шестьдесят лет все изменилось до неузнаваемости. Все это выше наших сил. Не нужно терзать нас еще больше. Мы и так достаточно натерпелись».

И в их словах был резон. Но революционеры — настырные ребята. Они не слушали, они вывели узников из Бастилии силой. Но той же ночью почти все вернулись обратно.

Заключенные говорили: «Дайте нам поесть, мы голодны».

Некоторые явились посреди ночи и потребовали: «Наденьте на нас цепи обратно, без них нам не спится. Мы спали в этих кандалах по пятьдесят лет, по шестьдесят лет — в оковах, в цепях, во тьме. Они почти стали частью нашего тела, нам без них не уснуть. Верните нам наши цепи. Верните нам наши камеры. Мы были вполне счастливы. Не навязывайте нам свою революцию. Пожалейте несчастных. Занимайтесь своей революцией где-нибудь в другом месте».

Революционеры были потрясены. Но этот случай показывает, что свобода — не всегда благо.

Оглянись на мир: страны освободились от британской, испанской, португальской колонизации, но люди в этих странах стали жить намного хуже, чем во времена порабощения. Во всяком случае, находясь в рабстве, они привыкли к нему, они принимали свое положение как неизбежность.

Свобода от рабства попросту создает хаос.

Вся моя семья участвовала в борьбе Индии за свободу от Британской империи. Все мои братья сидели в тюрьме. Их образование прервалось. Никто из них не окончил университет, потому что перед экзаменами их арестовали. Четыре года они провели за решеткой.

А потом было слишком поздно снова начинать учебу в университете, и все они стали пламенными революционерами. В тюрьме они общались с лидерами революции; после этого всю свою жизнь они посвятили революции.

Я был еще маленьким, но часто спорил с отцом и дядьями: «Я понимаю, что рабство ужасно. Это унижительно, негуманно. Раб перестает ощущать себя полноценным человеком, это деградация. С рабством надо бороться. Но я хочу вас спросить: что вы будете делать, когда перестанете быть рабами? Совершенно понятно, что такое *свобода от* рабства, и я двумя руками голосую за такую свободу. Но я хочу знать и четко представлять, что вы намерены делать со своей свободой?»

Вы знаете, как жить в рабстве. Но знаете ли вы, как жить в условиях свободы? Когда вы живете в рабстве, то подчиняетесь установленному сверху определенному порядку, иначе вас сломают, уничтожат, убьют. Но знаете ли вы, что, став свободными, вы сами будете отвечать за сохранение порядка? Никто не будет вас убивать, но никто не будет и отвечать за вас — вам придется взять на себя ответственность в полной мере. Спрашивали ли вы ваших лидеров, для чего нужна свобода?»

Я никогда не получал ответов на свои вопросы. Они говорили: «В настоящий момент мы боремся за свободу от рабства; придет время, и мы позаботимся о том, что делать с этой свободой».

«Это не научный подход, — убеждал я. — Если вы рушите старый дом и вы разумные люди, у вас должен быть план строительства нового дома. Правильнее было бы подготовить фундамент для нового здания, прежде чем ломать старое. Иначе вы окажетесь вообще без дома». У нас часто останавливались известные лидеры индий-

ской революции — и с ними я тоже постоянно спорил на эту тему. Но ни разу ни один из этих лидеров не ответил мне на вопрос, что же он собирается делать со свободой.

Пришла свобода. Индусы и мусульмане начали миллионами убивать друг друга. Во время колонизации британские вооруженные силы следили за порядком; теперь британцев не было — и на всей территории Индии вспыхнули восстания. Жизнь каждого человека висела на волоске. Горели города, горели поезда, а людям не позволяли выпрыгивать из этих поездов.

«Как странно, — говорил я. — При рабстве этого не было, это началось после обретения свободы. А причина проста: вы не хотели думать о том, для чего вам нужна свобода».

Страна разделилась на два лагеря. Но это никого не заботило. В стране воцарился хаос. Люди, которые пришли к власти, обладали определенными навыками: они умели подрывать мосты, жечь тюрьмы и убивать людей. Эти навыки не имели ничего общего с умением строить новую страну. Вожди революции боролись, победили, и в их руки перешла власть. Но это были не те руки.

Ни одному революционеру нельзя доверять власть, поскольку он знает, как устраивать диверсии, он умеет разрушать, саботировать, уничтожать, но он не умеет *созидать*. Его следует чтить, уважать и давать ему золотые медали — но не власть.

Необходимо найти людей, которые умеют созидать, но это будут те люди, которые не принимали участия в революции.

Это очень тонкий вопрос. Творческие люди во все времена заняты созиданием — их не интересует, кто правит страной. Кто-то же должен руководить страной, а британцы или индийцы — какая разница? Они заинтересованы в том, чтобы направлять свою энергию в созидательную работу; они не желают пополнять ряды революционеров. Поэтому революционеры не позволяют им руководить страной и не отдают власть. С их точки

зрения, творческие люди — ренегаты. Они не участвуют в революции, как же можно передавать им власть?

Все революции, которые известны истории, не удавались по одной простой причине. Те, кто совершил революцию, обладают одними качествами, а те, кто могут строить новую страну, создавать нацию и воспитывать в гражданах ответственность, должны обладать совсем другими качествами. Это совсем другие люди, они не участвуют в разрушении, уничтожении, убийствах. И они не могут прийти к власти. Власть попадает в руки тех, кто сражался. Поэтому каждая революция обречена изначально.

Вы должны четко понять, о чем я говорю... У каждой революции есть два аспекта: *от* и *для*. Поэтому должно быть два вида революционеров. Одни должны работать на первый аспект революции — на *свободу от*, а когда они закончат свою работу, к делу должны подключаться те, кто будет работать на второй аспект революции — на *свободу для*.

Но тут возникают большие трудности. Кто с ними справится? Каждый революционер жаждет власти. Когда революционеры торжествуют победу, власть принадлежит им и они не желают ее отдавать. А в стране воцаряются хаос и разруха. И с каждым днем страна опускается все ниже и ниже в пучину разногласий.

Вот почему я учу вас не революции; я учу вас *мятежу*. Революция — это удел толпы; мятеж — это дело личности, индивидуума.

Когда человек становится мятежным, он меняется. Его не волнует власть. Он изменяет свою сущность, дает в себе рождение новому человеку. И если вся страна становится мятежной... Самое замечательное в мятеже то, что в нем участвуют оба вида революционеров — и те, кто стремится к разрушению, и те, кто заинтересован в созидании, — ведь многое нужно разрушить, но и многое нужно создать.

Это не коллективное деяние. Это индивидуальное развитие.

И если миллионы людей поднимут внутри себя мятеж, то власть стран и народов перейдет в руки этих людей — в руки мятежников.

Революция станет успешной только тогда, когда все люди станут мятежными. Потому что революция происходит в результате раздвоения личности, а мятеж — это всегда работа одной-единственной личности.

И когда я призываю к мятежу вместо революции, я подвожу вас ближе к абсолютной целостности. В революции вы обречены на разделение — то ли *от* чего-то, то ли *для* чего-то. Вы не можете соединить эти качества вместе, ведь для этого нужен другой опыт. Но в мятеже оба качества объединяются.

Когда скульптор работает над статуей, он совершает противоположные действия: режет камень и в это же время создает прекрасную статую, которой не было прежде. Разрушение и созидание идут рука об руку — они неотделимы друг от друга.

В мятеже есть целостность, в революции — двойственность. В этой двойственности заключается опасность революций. Слово «революция» сладкозвучно, но на протяжении веков это слово связано с раздвоением личности. А я всегда выступаю против любого раздвоения личности, потому что человек, страдающий такого рода раздвоением, становится шизофреником.

Если множество людей пройдут через внутренний мятеж — мятеж не против кого-то, а против собственной обусловленности — и дадут в себе рождение новому человеку, проблемы с революцией решатся сами собой.

«Революция» станет отжившим понятием.

«Мятеж» — вот слово для будущего.